

ОТ РЮРИКОВИЧЕЙ ДО РОМАНОВЫХ, ИЛИ КАК ВЫБИРАЛИ ЦАРЕЙ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Анатолий ЕРМАКОВ,
ИСТОРИК

Окончание. Начало см. в №2

Итак, на московском престоле утвердилась династия Годуновых, пришедшая на смену династии Рюриковичей, правившей на Руси 736 лет. Она угасла вместе с царем Федором Иоанновичем - сыном Ивана Грозного, который умер, не оставив потомства.

Родовитое боярство, разумеется, не могло простить Годунову такого возвышения, и первым «оппозиционером» стал Василий Шуйский, не показывавший, впрочем, никаких иных чувств, кроме почтения. Этот согбенный старичок с большим кривым ртом и бегающими глазками, известный своей скупостью, терпеливо молился, надеялся и ждал удобного случая, чтобы сбросить чересчур удачливого опричника, возвышенного милостями Ивана Грозного. Бешеная злоба душила при мысли, что не он, принц крови, как льстиво заметил один немец, занимает российский трон - прямое достояние его предков.

Но положение Бориса было прочно. Будучи мудрым правителем, он умел ладить с людьми и с честью выходить из любого положения. В первые годы его правления, как писал современник, «страна цвела всеми благами», а царские одежды он носил с такой уверенностью, будто занимался этим всю жизнь. И дети были ему под стать - красивые, воспитанные, образованные. Старшая - Ксения - слыла талантливой поэтессой, а младший - Федор - первым нарисовал карту Руси.

Однако опытный интриган Шуйский не думал сдаваться и вскоре пустил слух о чудесно спасшемся царевиче Дмитрие, сыне Ивана Грозного от седьмой жены Марфы Нагой, погибшем когда-то в Угличе. Коль скоро живые не могут справиться с узурпатором, то почему бы

не использовать мертвых. Правда, тем слухам никто не поверил, да и многим ли было дела до призрака мертвого царевича. Разве мало других забот у пахаря или ремесленника, у дьяка или купца! Единственное, что все вспоминали, была необычная экзекуция, устроенная колоколу, снятому в Угличе с церкви Спаса, провинившегося в том, что он первым возвестил о смерти Дмитрия. Его били плетью, вырвали ухо и отправили в далекую ссылку. Аналогичное наказание применил в древности персидский царь Ксеркс, приказавший высечь провинившееся море.

Так бы и остался Василий Шуйский

лании урожая и стар и млад, но ливень и град побили все труды людские, и два года еще не давала урожая земля-кормилица. Обильна была жатва смерти. Без устали работала ее коса. Съедено было все до кошек, собак и ворон. Все московские улицы были запружены подводами, из которых словно хворост торчали тонкие ноги покойников. 127 тысяч человек похоронили только в столице. А в ожесточенных от горя умах и сердцах бился вопрос: за что же господь отвратил лицо свое от русской земли? И тут вновь встает тень царевича Дмитрия. От самых литовских границ народ все громче и громче начинает

говорить о царевом сыне. Вот где, оказывается, причина! Карает бог за то, что «клятвop-реступника и татя» Годунова на престол возвели. Всем очень захотелось чуда, и в таких случаях оно не могло, просто не имело права не появиться...

И оно появилось в далеком Брагине в имени князя Адама Вишневецкого в виде странного, никому не ведомого молодого человека. Прикинувшись умирающим, он попросил к себе священника, чтобы с чистой совестью предстать перед лицом творца. Здесь-то он и поведал свою тайну, которую чуть было не унес с собой в могилу. Тайну последнего сына Ивана Грозного, спасшегося от рук Борисовых наймитов в одном монастыре, где он жил до отрочества, пока верный человек

не помог бежать ему в Литву.

Вскоре о нем узнала вся Польша. В Сандомире, Кракове, Варшаве появлялся Самозванец, вызывая удивление своей необычной судьбой. Принят он был везде почтительно из-за уважения к его высокому сану. Турниры в его честь сменялись пирами, дамы одаривали зазывными улыбками, а мужчины готовы были сесть на коней и выступить под его стягом, дабы скинуть Годунова и заодно наполнить золотом Руси пустые карманы своих шляхетских кунтушей. В обмен на военную поддержку Самозванец обещал отдать королю

Дмитрий Самозванец

вечным кандидатом на право обладать знаками царского достоинства, если бы летом 1601 года не обрушилось на Русь такое, что впору сравнить со сказаниями о Страшном суде. В июле месяце на память святых апостолов Прохора и Никанора омрачилось небо облаками и столько дождя пролилось, что все посеянное и погибло. Семь недель не осушалась земля, а перед жатвой ударил сильный мороз и все кругом было поедено как от огня. И голод был страшен, и свежими крестами запестрели русские погосты. С надеждой ждали следующего года, молились о ниспос-

несколько русских городов, уплатить крупные денежные суммы и не препятствовать обращению жителей Московии в католичество.

Замок самборского воеводы Мнишека, в чью дочь он страстно влюбился, стал похож на военный лагерь. Из разных концов Речи Посполитой стекались сюда сотни шляхтичей. Все их состояние было в боевых пистолетах и острой дедовской сабле, с помощью которых они надеялись поправить свои дела или полечь костями в далекой Московии. Запорожские курени выставили Самозванцу сводный отряд, а донские казаки прислали посольство во главе с атаманом Карелой, твердо обещавшего помощь всех донцов. Медлить было нельзя. Московские послы в Кракове настойчиво требовали выдачи «ведомого всеми вора, еретика и чернокнижника Гришки Отрепьева».

Борис умер 13 апреля 1605 года. Был солнечный весенний день и он по обыкновению поднялся на маленькую деревянную башню, откуда царь любил смотреть на свое детище - колокольню Ивана Великого, «Годунов столп». Внезапно все поплыло и закружилось перед его глазами. Шатаясь из стороны в сторону, Борис спустился вниз, тяжелым ударом всего тела открыл дверь и грузно повалился на пол, захлебываясь хлынувшей из рта кровью, которая потекла по его смолисто-черной бороде яркими красными струйками, отчего его вид стал совсем ужасным. Еще некоторое время он стучал по полу побелевшими кулаками, резко дергал головой, словно пытаясь расплескать заполнившую его рот кровь, но вскоре стал затихать; наконец, вытянулся и сразу как-то обмяк, безжизненно закатив глаза и выпустив воздух. Зарыдали жена и дочь, засуетились бояре, послали за Патриархом, и здесь же постригли царя Бориса в монахи под именем Боголепа, а затем спешно похоронили в Архангельском соборе.

А тем временем Самозванец, чередуя победы с поражениями, упорно продвигался к Москве. Последним препятствием на этом пути стали неприступные Кромы. Но когда прискакал на взмыленной лошади гонец с известием о кончине царя Бориса, то всем стало ясно, что сама судьба отвратила свое лицо от Годуновых. Седьмого мая князя Голицин и Басманов перешли на сторону Самозванца. Дорога на Москву была свободна.

Вскоре в Красное село прискакали два запыленных всадника, то были гонцы Самозванца Гаврила Пушкин и Наум Плещеев (предки поэтов). Они прочитали грамоту, и возбужденная толпа повалила в центр Москвы. На Лобном месте грамоту прочли еще раз. Самозванец требовал покорности, в противном случае угрожал «не пощадить и младенца в материнской утробе». Возбуждение достигло предела. Все Годуновы были схвачены и переведены в собственный дворец в ожидании решения нового царя. Оно не замедлило последовать. Прибывшие князя Рубец Массальский и Голицын быстро расправились со всей царской семьей, оставив для утешения Самозванца лишь царевну Ксению.

Престол был свободен. Борис Годунов погиб не только из-за

Дмитрий Самозванец

Печать и подпись второго Самозванца

боярских козней и народного невежества. В течение многих лет, особенно во времена Ивана Грозного, не одной тысячи русских пришлось бежать от притеснений на Дон и Днепр, на Терек и Яик, на Волгу и Каму, где воля и хлеб казачьих станиц покупались ценой жизни, где подвиг и разбой жили рядом. Все они люто ненавидели московскую власть и страстно хотели вернуться домой независимо под каким флагом и по какому поводу.

Головокружительный, невероятный поход закончен. Признает Самозванца и «мать», инокиня Марфа с радостью согласилась переменить монастырскую келью на богатые кремлевские чертоги. Если Париж стоит мессы, то свою цену имеет и Москва. Причем не малую. Ни о

каких выборах, разумеется, не было и речи. Надменный вид новоявленного божьего помазанника как бы говорил о бесспорной законности его воцарения, хотя она была сомнительна. Дмитрий был сын Ивана Грозного от седьмого брака, а церковь признавала только три.

Василий Шуйский вновь оказался на коронации в Успенском соборе, где одевали венец на голову какого-то там беглого монаха. Его отчаяние было столь велико, что буквально на второй день он громогласно заявил, что царь Дмитрий Иванович - не прямой царевич, а еретик Гришка Отрепьев, но его тут же взяли под стражу и знатнейшему боярину пришлось до конца испить чашу позора. Излишняя поспешность едва не стоила ему жизни, когда после жестокой порки его выволокли на плаху и прочли смертный приговор, как преступившему крестное целование. Внезапно прибежавший гонец к великому неудовольствию всех присутствующих огласил царскую милость. Василия отправили в Галицкий край в ссылку, но вскоре Самозванец вернул его и повелел «быти в прежнем чину». Опять Василию пришлось затаиться, выжидая удобный момент, и он представился, когда Самозванец сыграл свадьбу с Мариной Мнишек восьмого мая накануне Николина дня, приходившегося при том на пятницу. Большой ошибки от него трудно было ожидать. Ни один русский не отважился бы на подобный шаг.

Внезапно десятки людей разнесли по городу молву, что царь изменил православию, следует чуждым обычаям, оскверняет храмы чудотворца Николая, дозволяя входить в них некрещеным ляхам да еще с собаками, а сам женится на поганой польке. К тому же после свадьбы ни разу со своей женой не мылся в бане. Заручившись поддержкой, Шуйский решил действовать.

Ранним утром 17 мая 1606 года мирно спавшая Москва была разбужена тревожным гулом бесчисленных колоколов. Было всего лишь три часа, но в мятежном перезвоне многие москвичи почувствовали приближение новых несчастий, столь обильно воздаваемых народу за последние годы. Черные людские реки широкой лентой вливались в Кремль, озаренный пламенеющим восходом, хотя многие толком не знали, что же произошло. Самозванец послал верного ему Басманова узнать, в чем

Царь Борис Годунов

дело, и через открытую дверь увидел широкий замах боярина Татищева и вслед за ним услышал глухой удар о землю грузного тела Басманова, пораженного в самое сердце, и восторженный рев толпы, что враз его отрезвило. Он стал метаться по комнате, все время хватаясь за саблю и заглядывая во все окна, видимо, надеясь на помощь охраны, которая разгонит обнаглевший народ, и только после того, как затрещало крыльцо от множества ног, кинулся прочь в каменный дворец по специально для свадьбы построенным деревянным переходам, но спешка и влажные от утренней росы доски сослужили плохую службу: он подскользнулся, неловко взмахнул руками, отчаянно пытаясь сохранить равновесие, и беспомощно полетел вниз на житный двор, где тут же застонал и начал кататься по земле от острой пронизывающей боли. Собралась толпа, и все вдруг опешили, не зная что делать. И тут купец Валуев с криком: «Да что там толковать с еретиком!» прострелил самозванца насквозь.

«Царь царей» и «Непобедимый кесарь» (а именно так он себя величал в грамотах) пролежал еще некоторое время на Красной площади, а затем был похоронен. Но суеверный люд услышал над его могилой «великий клич и рокот бубен и свирели и прочие бесовские игрища». Вскоре его выкопали, сожгли у Серпуховских ворот и прах выстрелили в ту сторону, откуда он пришел. Так закончил свое земное существование отважный авантюрист, который одиннадцать месяцев без трех дней был царем русского народа.

Таким образом повторилась

ситуация 1598 года, повторилась в том смысле, что Русь вновь осталась и без царя, и без династии. «По убиению расстриги, - говорит летописец, - бояре начали думать, как бы согласиться со всей землею, чтобы приехали из городов в Москву всякие люди, чтобы выбрать по совету государя такого, который бы всем был люб». Такая перспектива Василия не могла устроить. К разряду любимых он никогда не принадлежал, а события последних 8 лет, когда он сначала объявил Самозванца «истинным царевичем», а потом «еретиком и польским свистуном», вконец подмочили его репутацию. Воспользовавшись тем, что Москва долго не входила в себя после убийства Самозванца (а всего в ту ночь погибло несколько тысяч русских и поляков), Василий вывел своих вооруженных людей на Красную площадь под предлогом необходимости выбрать нового патриарха (прежнего Игнатия свергли как «потаковника» Самозванцу). Один вид разгоряченных от пролитой крови, к тому же потрясавших саблями и пищальями, заставил всех стыдливо умолкнуть. Поначалу бояре и духовенство предложили народу избрать патриарха, который бы разослал грамоты для созвания «советных людей» на избрание царя, но в толпе громко закричали, что сейчас нужнее царь и таковым должен быть Василий Шуйский. Им никто не возразил. На стороне кричавших была сила, а это - не что иное, как возможность навязать свою волю другим. Как горестно писал современник, не только в других городах не знали, «да и на Москве не ведали», что выбрали Шуйского.

Тотчас по воцарении Василий стал рассылать по городам грамоты как от своего имени, так и от имени бояр и от имени матери царевича Дмитрия Марфы Нагой. В них он старался доказать народу, что свергнутый царь был самозванцем, что у него есть все права на престол, и что он избран вполне законно. Для пушей убедительности новый царь торжественно переносит мощи царевича Дмитрия из Углича в Москву, в Архангельский собор. Любопытно одно место из присяги новому царю. Каждый обязан был клясться, что не будет замышлять против него никакого зла, «в еде, питье, платье и ни в чем другом лиха никакого не учинит, а кто станет говорить о каком-нибудь лихе против государя, о том доносить последнему или его

приближенным, иного царя не искать, с изменниками не сноситься и в другое государство не отъезжать».

Хотя Василий и расхаживал в Кремлевских палатах как хозяин, казнил, жаловал и писал в своих грамотах «Мы, Великий Государь и Великий князь Василий Иванович Всея Руси», но в недобрый час достиг он державного венца. Еще не успели убрать с Красной площади труп Самозванца, как в Москве многие заговорили о том, что убили не Дмитрия, а кого-то другого. А еще раньше в день восстания дворянин Молчанов бежал из Москвы. Добравшись до Самбора, он громогласно заявил о чудесном спасении царя. Недовольных Шуйским было куда больше, нежели Борисом, и все они с удовольствием ухватились за имя Дмитрия. К тому же на Руси орудовало множество казацких и польских шаек, промышлявших грабежом и разбоем, которым не нужна была твердая власть.

Широким потоком Смута стала разливаться по всей стране. Тула, Кашира, Калуга, Можайск, Орел, Вязьма провозгласили царем Дмитрия. Возмутились Псков, Новгород и Рязань. Явился Болотников, заявив, что видел Дмитрия в Польше, и что тот назначил его своим воеводой. Его войско двинулось к Москве и остановилось в семи верстах от города. В это время появился другой казацкий самозванец Петр, выдававший себя за сына царя Федора. С большим трудом они были разбиты.

Наконец-то появился долгожданный «Дмитрий». Это был неизвестный человек. Одни его называли Богдановым, другие - Веревкиным. Осев в Стародубе, он стал рассылать грамоты,

Царь Василий Иванович Шуйский

призывая русских людей прийти к своему царю. Гонцы поскакали в Москву. Вскоре у него появилось довольно большое войско. Вскоре он выступил в поход, разбил царское войско, подошел к Москве и устроил свою ставку в селе Тушино. Отсюда стали разбредаться его шайки, грабя всех подряд. Бессилие Шуйского оказалось столь велико, что он обратился за помощью к шведам, и мало-помалу тушинцев стали теснить. Польский король Сигизмунд, претендовавший и на шведский престол, счел себя ущемленным, выступил с войском и осадил Смоленск. Во всех бедах обвинили Шуйского, и царский трон, который и без того держал его не очень крепко, вконец под ним зашатался.

7 июля 1610 года шумная толпа вломилась во дворец и прямо заявила, что государя Царя и Великого Князя на Московском государстве не любят. Служить ему не хотят. После чего заломили ему руки, «насильством» постригли в монахи и выдали полякам, заставившим его как последнего холопа кланяться в ноги королю Сигизмунду. Тот распорядился отправить знатного пленника в Гостынский замок, что недалеко от Варшавы, доживать свои дни. Здесь Василий Шуйский и скончался спустя два года (он оказался единственным из русских царей, кто умер за границей).

«Ссадив» Василия, москвичи вновь оказались перед дилеммой: кого выбирать? Поскольку собор созвать невозможно, так как «Московскому государству с обеих сторон было тесно», то присягнули Боярской Думе. Не мудрствуя лукаво, она, в свою очередь, присягнула польскому королевичу Владиславу, впустив поляков в Москву. По их мнению, он был лучшим из двух зол. С ним заключили договор, и ввиду несовершеннолетия королевича отправили его на утверждение Сигизмунду. Король потребовал сдачи Смоленска и выразил неудовольствие по поводу необходимости принятия его сыном

православия. В конце концов он решил сам взять в свои руки посох Московского царя, чем вызвал всеобщее возмущение. Тушинский вор опять поднял голову, и неизвестно, чем бы все это кончилось, не убей его один из приближенных. У него осталась жена Марина Мнишек, признавшая во втором Самозванце своего мужа с четырехлетним сыном. Бывшая царица окончила свои дни в заточении, в Коломне, а мальчика прилюдно повесили. Он так и не понял, что это с ним делают злые дяди, и почему собралось так много народа. (Случай этот вошел в Книгу рекордов Гиннеса.)

Между тем положение Московии было отчаянным: северо-западная часть государства оказалась в руках шведов, поляки хозяйничали в Москве, продолжали осаждать Смоленск и разорять соседние области. Под стать им были многочисленные разбойничьи шайки, наводнившие страну. Дорого обошлось русскому народу легкомысленное увлечение самозванцами. И все же он нашел в себе силы покончить со Смутой. Ополчение Минина и Пожарского в августе 1612 года освободило Москву, а затем и всю страну от иноземцев и

разбойников. Кровавая драма, длившаяся почти десять лет, завершилась. В конце 1612 года снова были разосланы по городам и весям грамоты с просьбой прислать для царского выбора людей «лучших, крепких и разумных». Таковые не заставили себя долго ждать, но никак не могли договориться; одни предлагали того, другие - этого, а третьи - самого себя. Летописец с сожалением отмечает, что не все избиратели поступали бескорыстно: «многие же от вельмож, желающих царем быть, подкупаются, многим и даючи и обещаючи многие дары». Хорошие шансы имел Дмитрий Пожарский, однако, предпочли все-

таки не его, а совсем молодого Михаила Романова, умевшего

разве что молиться да плакать. Романовы представляли старинный боярский род, и одна из его представительниц была женой Ивана Грозного. Но решающую роль сыграло, видимо, не это, о чем со всей определенностью сказал боярин Шереметев: «Выберем Мишу Романова, он молод, и нам будет поваден».

После соблюдения всех необходимых формальностей (крестный ход, отказ Михаила и его матери, увещевания, просьбы и угрозы карой небесной) согласие было получено, и в воскресенье, 11 июля 1613 года, в Успенском соборе Московского Кремля состоялась коронация Михаила Федоровича Романова. В самом ее конце митрополит Ефрем обратился к юному венценосцу с поучительным словом, в котором изъяснил важность царского сана и обязанностей, этим саном возлагаемым. Осенив царя крестом, он воскликнул: «Да будет царствование многолетне и благополучно!» И все присутствующие в один голос подхватили: «Будет и будет многолетне!»

